

Рушится ночью небо,
Голод и стынь с рассвета...
Если бы я здесь не был,
Я б не поверил в это.

Юрий Воронов

Анна Архипова

Таллинн, 2007

Блокадная трагедия. Прошлого не забыть.

Прошло уже много лет, поколение, пережившее войну и блокаду - состарилось. Тяжело вспоминать эти страшные годы. Наша семья жила в городе Колпино, недалеко от Ленинграда, теперь это район города. Там находится знаменитый Ижорский завод, основанный Петром I в 1703 году, который выпускал судовые машины, танки, прессы, прокат. Там работали целые династии, в том числе мужчины нашей семьи. Дедушка Петр Архипович Архипов всю жизнь проработал на телефонной станции, папа освоил профессию шофера. Мы, его дети, были связаны с заводом, а теперь уже и дети моих племянников преумножают его традиции.

В нашей семье было шесть человек: родители и четверо детей. Мы жили в 16-ти метровой комнате. Младшие дети были отправлены до войны на лето в Калининскую область.

Папа был осужден в 1937 году по 58 статье, и его перевезли в город Хабаровск. Когда его освободили в 1940 году, он не имел права жить в Ленинграде, и был сослан на 101 километр. Там был взят в армию и погиб под Сталинградом.

В 1941 году я окончила среднюю школу, а 16 июня был выпускной вечер. Счастливые, веселые, повзрослевшие мы думали о будущей жизни. Но уже шли «сороковые, роковые» и началась война. В конце августа 1941 года фронт был в трех километрах от города. Помню 28 августа, я вышла на улицу, и около меня упал осколок. Это было первое знакомство с настоящей войной. Он не задел меня, но было очень страшно. Военные советовали уходить в Ленинград, говорили, что войска отступают. Мама, я и сестра сразу уехали.

В Ленинграде нас приютили родственники, которые жили недалеко от Старого Невского.

8 сентября я пошла к Московскому вокзалу встречать маму, она продолжала работать в Колпино.

Когда я вышла на площадь, передо мной открылся весь Невский проспект. О, ужас! Я вижу, что все небо от правой до левой стороны проспекта, от вокзала, до Адмиралтейства, было как полосатая дуга: полоса красная — огня, полоса темная, что-то страшное, трагичное. Я замерла. Это было какое-то чудо. Думаю, неужели этот момент не зафиксируют старшие опытные художники, фотографы. Оказалось, что уже очень близко горели деревни, фашисты были около Ленинграда. Но пройти к Ленинграду им не удалось. Ижорцы героическими усилиями остановили врага, не пустили в Ленинград. И завод работал, отремонтированные танки шли на фронт.

Мой будущий муж, Рэм Блум, шестнадцатилетний рабочий-слесарь Ижорского завода, записал тогда в дневнике: «Немец бил шрапнелью. Мы прекратили работу, сидели в корпусе танка». В Ленинграде начались ежедневные артобстрелы и бомбежки, где-то все время грохотали взрывы.

Было очень страшно, когда горели Бадаевские склады продовольствия, шлейф дыма с запахом горелых продуктов тянулся над городом. На место Бадаевских складов люди ходили собирать землю, пропитанную сахаром, ее клали в воду и пили.

После бомбежки на Старом Невском был разрушен старинный шестиэтажный дом. А его середина стены была словно вырезана от крыши до земли, и подумайте, на самом верху висела детская кроватка! Слезы потекли при виде этой картины. Недавно я прочитала статью в газете «Молодежь Эстонии» о скульпторе Константине Симуне, который запечатлел в своих работах трагедию Ленинграда. Одна из скульптур называется «Кроватка». Неужели это о ней, которую я видела и плакала?

15 ноября мы вернулись в Колпино. Бесконечные бомбежки и обстрелы не прекращались. Жизнь становилась совсем невыносимой. Уже пять раз снижали норму хлеба, и теперь служащие и дети получали по 125 грамм, вместо крупы давали 200 грамм картофельной муки на декаду. В хлебе была смесь из целлюлозы, древесной коры, кожевенных отрубей. Дома, предприятия погружались во тьму. На Ленинград обрушился страшный, убийственный голод.

Известная Ольга Бергольц писала: «... о ночное воющее небо,
Дрожь земли, обвал невдалеке.
Бедный ленинградский ломтик хлеба,
Он почти не весит на руке...».

Мама не выдержала, умерла. Мы остались с сестрой вдвоем. Моя сестра Валя иногда ходила за хлебом. По дороге не выдерживала и съедала часть пайки. Я свою долю, 125 грамм, делила пополам. Тогда я сказала, что будем ходить вдвоем, и каждый будет получать свой паек отдельно. Нам в этот момент неожиданно повезло: однажды пришел военный и предложил обменять водку, которую нам дали по карточкам, на хлеб. Мы согласились. Какая это была

радость держать в руках буханку хлеба! Мы поели немного, а остальное я решила спрятать на чердаке, где мы и жили. Когда я перелезала через балку, то увидела пакет с сухарями, примерно полкилограмма. Я изо всех сил закричала, сестра сразу прибежала, мы радовались такой находке и плакали. Однажды я проснулась от страшной боли в желудке. Это был протест организма, такое выдержать было невозможно. Тогда умирали целыми семьями, иногда прямо на улице лежали трупы. Я работала вязальщицей в трикотажном цехе артели «Колпинкооп». Все наши изделия шли на нужды фронта. Рабочий день продолжался 10 часов. Весной после работы мы убрали улицы и помогали ослабевшим людям.

Зима 1942 года была очень холодной, обстрелы, бомбежки, потери близких дорогих людей, раны, болезни, цинга, дистрофия. Где-то все время грохотали взрывы, небо было красным, то там, то тут.

И вот дождалась. 18 января 1943 года было прорвано кольцо блокады. Первая важная победа! А в феврале 1943 года было наступление из района Колпино. Я вспоминаю, как ночью прибывали войска, вооружение. И 10 февраля началось. По всей главной улице выстроились «Катюши» и дали залп. Описать это трудно. Надо было слышать и видеть! Над нашими головами висели снаряды вроде бутылок. Мы радовались и кричали: «Ну, фашисты. Пришел вам конец!». А потом земля поднималась до неба. «Катюши» быстро уехали, как улетели. Это было засекреченное оружие. Вечером немцы стали бомбить, обстреливать, но ценой героических усилий Ижорский батальон в город их не пустил.

А в мой дом попал снаряд, и он сгорел дотла. Добрые люди помогли, и дали самое необходимое. Мы жили в бомбоубежище и спали в пальто.

Самое дорогое у меня была сумочка с карточками, без которых выжить было просто невозможно.

Бомбежки, обстрелы продолжались. Однажды я попала под бомбежку. Я спряталась около больницы, больше некуда было. И о, ужас, на меня летит бомба и свистит у..у..у..у. Вот этой летящей бомбы не забыть. Она мне угрожала смертью, и она была рядом со мной. Я молила: «Господи, спаси!», в голове что-то щелкнуло, и я потеряла сознание. Меня нашли несколько часов спустя. Потом выяснилось, что осколок попал в висок. До сих пор осталась черная метка. Бывают и такие случаи.

Вспоминаю сейчас эти 900 дней. Опять волнуясь. Все надо сделать, чтобы такое не повторилось.